

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/dxdnwt>

Образ коня в лирике Таяны Тудегешевой: семантико-стилистический анализ (на материале сборника «Небесный полет девятиглазых стрел»)

Пушкарева Ирина Алексеевна

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского
государственного университета, Россия, Новокузнецк

eLibrary Author SPIN: 6918-1060

<http://orcid.org/0000-0003-2161-4039>

Scopus Author ID: 57196727270

Irina_Pushkareva2016@mail.ru

Пушкарева Юлия Евгеньевна

Северо-Западный институт управления – филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

eLibrary Author SPIN: 6127-5479

<http://orcid.org/0009-0008-4592-8001>

Scopus Author ID: 57225222482

Аннотация: Возросший интерес к региональной литературе, вопросам этнической самоидентификации и сохранения культурной памяти малых народов России обусловил актуальность данного исследования. Цель – выявить семантико-стилистические особенности воплощения образа коня как одного из значимых анималистических образов культуры на материале творчества малоизученного шорского поэта Т. В. Тудегешевой. Его ключевая роль в лирике Т. В. Тудегешевой прослеживается на материале второго поэтического сборника – «Небесный полет девятиглазых стрел» (Кемерово, 2007). Методом сплошной выборки выявлены тексты, в лексическую структуру которых включен рассматриваемый образ. Он эксплицирован в 15 из 110 русскоязычных стихотворений сборника, встречается в каждой из пяти композиционных частей. Смысловая нагрузка образа коня определяется ассоциативной сопряженностью с ключевыми для идиостиля Т. В. Тудегешевой образами стрел и всадника. Контекстологический стилистический анализ позволил охарактеризовать эксплицитные и имплицитные смыслы, связанные с образом коня, который соотносится с темами судьбы шорского народа и других тюркских народов, войны и смерти, ностальгии и воспоминаний о прошлом, любви, творчества, смысла жизни и сущности человека, семьи. Чаще всего конь становится символом силы, воли, стремительного движения к цели, свободы. Образ коня реализуется в разных регистрах: как часть исторического героического эпоса, как психологическая и автопсихологическая деталь, как компонент философских размышлений о природе, смерти и времени, как мистико-магический, мифологический образ.

Ключевые слова: семантико-стилистический анализ, идиостиль, анималистические образы в литературе, образ коня, шорская литература, Таяна Тудегешева

Цитирование: Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е. Образ коня в лирике Таяны Тудегешевой: семантико-стилистический анализ (на материале сборника «Небесный полет девятиглазых стрел»). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 748–759. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-748-759>

Поступила в редакцию 30.05.2025. Принята после рецензирования 25.07.2025. Принята в печать 28.07.2025.

full article

Equine Image in Tayana Tudegesheva's Collection of Verses *Sky Flight of Nine-Eyed Arrows: Semantic and Stylistic Analysis*

Irina A. Pushkareva

Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Kemerovo State University, Russia, Novokuznetsk

eLibrary Author SPIN: 6918-1060

<http://orcid.org/0000-0003-2161-4039>

Scopus Author ID: 57196727270

Irina_Pushkareva2016@mail.ru

Yulia E. Pushkareva

North-West Institute of Management – Branch of the Russian

Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 6127-5479

<http://orcid.org/0009-0008-4592-8001>

Scopus Author ID: 57225222482

Abstract: As the matters of ethnic self-identity and cultural heritage of indigenous peoples grow in relevance, they trigger scientific interest to ethnic literature. This article focuses on the poetic image of a horse in the verses by the Shorian poet Tatyana Tudegesheva. This animalistic image is inherent to the culture of the Shors, a small-numbered ingenious people from the south of the Kemerovo Region. Her second collection of Russian-language verses *Sky Flight of Nine-Eyed Arrows* (2007) focuses on the equine image, which appears in 15 from 110 poems across all five parts of the book. It accompanies the images of arrows and riders, which are typical of Tudegesheva's idiostyle. According to the contextual stylistic analysis, the equine image contains the following explicit and implicit senses: destiny of the Shors and other Turkic peoples, war and death, nostalgia and memories of the past, love, creative writing, sense of life, human nature, family. A horse symbolizes power, will, rapid movement towards a set goal, and freedom. The equine image develops in various registers: as a part of historical heroic epos; as a psychological and autopsychological detail; as a philosophical reflection to nature, death, and time; as a mystical, magical, and mythological image.

Keywords: semantic and stylistic analysis, idiostyle, animalistic images in literature, equine image, Shorian literature, Tayana Tudegesheva

Citation: Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. Equine Image in Tayana Tudegesheva's Collection of Verses *Sky Flight of Nine-Eyed Arrows: Semantic and Stylistic Analysis*. *SibScript*, 2025, 27(4): 748–759. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-748-759>

Received 30 May 2025. Accepted after peer review 25 Jul 2025. Accepted for publication 28 Jul 2025.

Введение

Специфика литературы Кузбасса во многом определяется поликультурностью региона, в том числе отражением в словесном творчестве мировоззрения коренного малочисленного народа – шорцев. Одно из ярких имен шорской литературы – Таяна Васильевна Тудегешева (1957–2022), автор пяти поэтических сборников, член Союза писателей России с 1999 г. Ее творчество представлено во вступительной статье к сборнику [Переяслов 2007], в литературоведческих и методических работах новокузнецких филологов [Косточаков 2020; Сазыкин 2021a; 2021b], в антологии современной литературы Кузбасса

«Современная литература Кузбасса»¹ и нуждается в дальнейшем изучении языка и стиля как отражения этнического сознания шорцев и индивидуальной творческой манеры.

Воссоздавая мир Горной Шории – своей родной земли, Таяна Тудегешева постоянно обращается к образам природы. Солнце, луна, ветер, степь, горы, беркуты, иволги, волки, рыси – природные образы наполняют всю ее поэзию, представая то в реалистическом ключе, то в психологическом и автоспсихологическом (например, *тюркская волчица с узкими глазами* или *Мать-волчица*, являющаяся героине во сне

¹ Классика земли Кузнецкой. Т. 3. Современная литература Кузбасса. Кн. 1. Поэзия, сост. Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова. Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. С. 344–387.

в стихотворении «Лунными ночами»²). Часто природные образы вплетаются в фольклорные мотивы, в переосмысление шорской мифологии – соседствуют с образом шамана или шаманки, вписываются в описание языческих праздников и ритуалов (например, воскурение в честь духов в стихотворении «В праздник Духа Матери Огня...»). Стихии, пейзажи, образы домашних и диких животных становятся неотъемлемыми элементами миропонимания древнего народа, культуру которого пытается сохранить лирическая героиня Т. В. Тудегешевой. «Сфера переживания лирической героини ограничивается только и прежде всего природой. Только природа достойна внимания и переживания. Потому что природа – живая. Живая, как и человек. Город, хоть и является местом проживания человека, принципиально не входит в переживания и даже в зону внимания. Словно города нет вовсе, нет такой много значащей для других поэтов городской составляющей нашей современности, а есть только одна природа, живая природа, вековая природа, природа, многое могущая (в представлениях и ощущениях лирической героини)» [Косточаков 2020: 267]. Особое место в ее поэзии занимает образ коня.

С древнейших времен образ коня был важен для человека. Так, изображение лошади является самым распространенным (313 из 986) в наскальной живописи франко-кантабрийского района эпохи верхнего палеолита [Топоров 1987: 444]; конь (лошадь) «играет важную роль во многих мифологических системах Евразии» [Иванов 1987: 666]. образу коня в верованиях и фольклоре народов Саяно-Алтая посвящены как классические [Потапов 1977], так и современные исследования [Арчимеева 2024; Бакчиев 2021; Мендешева 2008]. При анализе образа коня в культуре разных народов продуктивно используется сопоставительный подход [Потапова, Жанерке 2023]. Материалом для филологического анализа становится прежде всего эпос, однако исследователи обращаются и к паремииологическому фонду (например, при исследовании мифологических истоков образа коня в культуре тюркских народов [Яруллина 2022]), особое внимание уделяется

образу коня в русской литературе³ [Охлопкова 2016; Чжан 2015; Шаряфетдинов 2018].

Цель – выявить семантико-стилистические особенности воплощения образа коня как одного из значимых анималистических образов культуры на материале творчества малоизученного шорского поэта Т. В. Тудегешевой.

Методы и материалы

Материалом для анализа является сборник «Небесный полет девятиглазых стрел» (Кемерово, 2007). Методом сплошной выборки было выявлено 15 из 110 русскоязычных стихотворений сборника, в которых представлены лексические репрезентанты образа коня. Он встречается в каждой из пяти композиционных частей: «Сквозь столетий туман» («Успокойся мой друг...», «Род Аба», «На курганных вершинах», «В горных изломах снежных вершин...», «Тюрки»), «Думы-караваны» («Абинская степь», «Поздно», «Жизнь, хлестнув, научила», «Лихой наездницей тебе судил стать Бог...», «Несгибаемый бег скакуна», «Воспоминания о Стамбуле»), «Листва времен» («Сыновья»), «Нежность ветвей» («Что ты смотришь грустными глазами?...», «Вороних торопили коней...»), «Откровения шаманки» («Возвращение шамана»).

За основу семантико-стилистического анализа примем концепцию художественно-образной речевой конкретизации М. Н. Кожинной [Кожина 2011] и концепцию лексической структуры поэтического текста Н. С. Болотновой [Болотнова 1994; 2019]. Семантико-стилистический анализ контекстов был выполнен в соответствии с классической концепцией лингвистического толкования стихотворений Л. В. Щербы, который видел его основу в «разыскании тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов русского языка» и подчеркивал неизбежность субъективного начала в семантических наблюдениях за художественным текстом [Щерба 1957: 26–28]. Статья продолжает цикл исследований, содержащих результаты семантико-стилистического анализа ключевых образов региональной литературы [Пушкарева, Пушкарева 2024a; 2024b].

² Тудегешева-Каныштарова Т. Небесный полет девятиглазых стрел: сборник стихов. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2007. 192 с. Здесь и далее тексту примеры приводятся по данному изданию с указанием страниц цитат в скобках.

³ Астахов В. И. «А кони, кони!» (об одном общем мотиве в произведениях А. С. Пушкина и С. А. Есенина). Государственный музей-заповедник С. А. Есенина. URL: <https://www.museum-esenin.ru/specialistam/izdaniya/publikacii-sotrudnikov-gmz-s.a.-esenina-2014-god/1> (дата обращения: 26.05.2025).

Результаты

Смысловое развертывание образа коня в сборнике осуществляется в трех основных направлениях: этническом, философском и автопсихологическом, нередко они представлены во взаимопроникновении. Этническое направление связано с осмыслением судьбы шорского народа. Т. В. Тудегешева постоянно обращается к шорской древности, в которой конь – многовековой спутник человека: основное средство передвижения, хозяйственное животное, а также военная сила тюркских народов, славившихся именно своей конницей. В поэзии Т. В. Тудегешевой *рожденный от тюркского древа* («Гимн Горной Шории») шорский народ вписан в широкий исторический контекст: проводятся его параллели с татарами, турками («Воспоминания о Стамбуле»), с обобщенным образом Азии («К Белой юрте»). «Поэзия Таяны Тудегешевой – это непрерывный поиск своего национального, духовного и культурного начала, это шествие по тропе исторической и генетической памяти в глубины забытых веков, к истокам народной культуры» [Переяслов 2007: 5]. Г. В. Косточаков отмечает продолжение традиций С. Т. Торбокова в творчестве Т. Тудегешевой: «Эта торбоковская традиция видеть настоящее Шории через ее прошлое активно воспринята и продолжена шорской поэтессой 90-х годов Таяной Тудегешевой. Когда прошлое (недавнее и древнее) воспринимается как неотъемлемая часть настоящего» [Косточаков 2020: 274–275].

Во всех этнических контекстах конь связан с образом воина и мотивом войны, с прославлением воинской отваги. При этом историческая тема соотносится не просто с отдельными картинами древних эпох, а с образом уходящего, исчезающего прошлого. Согласно характеристике Г. В. Косточакова, для лирической героини древнетюркская эпоха – это «эпоха высшей доблести древних тюрков, их всемирной власти, общего единства и семейной теплой спаянности, пика культуры и обычаев» [Там же: 269], сборник пронизан грустным, печальным тоном утраты, потери, забвения, «ведь от той великой древнетюркской эпохи ничего не осталось, только память в природе и у таких чутких людей, как лирическая героиня» [Там же: 270].

Второе ключевое направление смыслового развертывания образа коня – философская тема времени, которая связана как с судьбой шорского народа, так и с жизнью человека вообще. Третье

направление смыслового развертывания – исповедальная самохарактеристика лирической героини, ее судьбы и характера. Как видим, объединяющей все три направления является тема времени, которая соотносится с этническими, философскими и автопсихологическими контекстами воплощения образа коня в лирике Т. В. Тудегешевой.

В стихотворениях наряду с основной лексемой *конь* мы встречаем разнообразные его номинации: *скаун*, использованы обращения (*мой конь*, *мой друг*, *вороной*), на межтекстовом уровне создается антитеза характеризующих номинаций *аргамак* – *лошаденка жалкая*. Так, в стихотворении «Успокойся, мой друг...» (с. 12) умирающий воин-всадник обращается к верному коню перед тем, как их обоих поглотит забвение (символическое: в текстах Т. В. Тудегешевой весь мир шорской древности поглощает неумолимое время). Воин называет коня *друг мой*, подчеркивая их родство; они разделяют одну участь, проигрывая борьбу с жестоким миром:

*Надо мной и тобой проскакали века,
Потому еле дышим, хрипим, издыхая.*

Отметим, что с помощью глагола *проскакали* коням уподобляются века – само воплощение времени. Перед гибелью герой утешает коня (*Успокойся, мой конь, пусть не бьет тебя дрожь*), даже просит у него прощения (*Не считай же меня, вороной, подлецом*); ласковая номинация *вороной* отсылает к русской, в частности былинной, фольклорной традиции. Мимолетная деталь *не знал ты камчи* (плети, нагайки) свидетельствует, что воин по-доброму обращался с конем – именно как с другом, а не как с подручным средством. Однако герой чувствует вину перед конем за *тяжелую ношу земного страданья* – за то, что оба они пережили в отвергающем их страшном мире.

Обратим внимание на межтекстовую антитезу *аргамак* – *лошаденка жалкая*, связанную с темой утраты былого величия шорского народа. В стихотворении «Род Аба» (с. 14) кони являются спутниками воинов – древних лучников. А. С. Сазыкин называет слово *конь* одним из ключевых в стихотворении [Сазыкин 2021а: 85]. Рисуя динамичную картину битвы, автор вписывает в нее смерть коня:

*Аба... Но конь споткнулся на скаку,
Лежит в кровавой пене на боку.
Был аргамак со славою былой –
Затмило свет кровавою стрелой.*

Тюркская номинация *аргамак*, переведенная в сноске как *горячий, лихой конь*, пропитывает образ павшего коня шорским колоритом: не просто конь – а боевой конь воинственного тюркского народа. Два одинаковых эпитета – *кровавая пена* и *кровавая стрела* – подчеркивают трагизм и боль гибели прекрасного сильного существа. Вероятно, эта гибель символически отражает гибель рода Аба.

В стихотворении «Воспоминания о Стамбуле» (с. 78) образ лошади – единственный раз в сборнике Т. В. Тудегешевой – подан в коннотациях не силы, воли и молодости, а наоборот – слабости, одряхления:

*Лишь дервиш выходил,
плетясь
за лошадежкой жалкой.*

Уменьшительный суффикс и эпитет *жалкая* подчеркивают немощность старой лошади; ее образ, как и другие образы – старый дервиш, развалины, отвернувшееся с укором солнце, – воплощают контраст былого величия Стамбула и его гораздо более блеклого настоящего. Оставшееся в прошлом могущество Османской империи – образ, связанный с судьбой шорского народа.

Образ коня сопряжен с образом всадника (*наездника, наездницы, стрелка*) и конкретизирован определениями-прилагательными, именами существительными, называющими яркие художественные детали, представляющие образ коня (*грива, копыта, кровавая пена*), предметы конской сбруи (*стремя, узда*) и вооружения всадника (*лук, тетива, стрела*), большим количеством глаголов и слов с семантикой движения и физиологических состояний, употребление которых является яркой стилистической чертой воплощения образа коня у Т. В. Тудегешевой. Особое место среди лексических репрезентантов образа коня занимают шорские слова, включенные в русскоязычный текст как концептуально нагруженные знаки этнической самоидентификации лирической героини и образы самобытного мира Горной Шории (*аргамак, камча*).

На сопряженность образов коня и всадника в мировоззрении и словесном творчестве неоднократно указывают исследователи [Бурнаков 2024; Скрипова 2016; Тозыякова и др. 2020; Шапиро 2018]. Образ всадника (наездника) в лирике Т. В. Тудегешевой подан в соответствии с идеалом храброго, сильного

воина, однако проявляются интересные смысловые нюансы. В прошлом всадник не был одинок – он был частью могучей рати. В стихотворении «На курганных вершинах» (с. 16) *топот коней* вписан в *эпос*, древнюю песнь, разносимую ветром над шорскими горами; вслушиваясь в древнее сказание, героиня видит, как

*...клубится горячая пыль
Под ногами сотысячных конниц.*

Воинскую силу и славу здесь воплощает уже не один конь, а конница – армия искусных всадников; величие и размер этой армии подчеркнуты эпитетом *сотысячных*.

В стихотворении «Жизнь, хлестнув, научила» (с. 39) лирическая героиня представляет себя в образе всадницы и сравнивает одну себя с *дружной ратью* – так много духовной силы она в себе ощущает. Как уже было показано на примере стихотворения «Успокойся, мой друг...» (с. 12), всадник и конь – это единое целое, конь – единственный и последний друг, при этом в контексте подчеркнуто одиночество всадника, соотносимое с мотивом утраты: герой называет себя *одиноким наездником, что к гриве приник* – иначе говоря, делает союз с конем главной своей чертой, ядром своей личности⁴. В подобной трактовке образ всадника встречается в автопсихологических контекстах, где становится выражением сущности лирической героини.

Образ всадника соотносится не только с прошлым, но и с настоящим и будущим. Сама героиня – потомок древнего воина-тюрка, в ее образе соединяются прошлое и настоящее: она – часть той древней эпохи величия шорского народа. В стихотворении «На курганных вершинах» (с. 16) один из убитых воинов оказывается предком лирической героини; его боевой конь остается в живых, но скорбит по своему всаднику и не уходит с места его смерти:

*Бил о землю ногой старый конь боевой,
Но сраженному вновь не подняться...*

Если в «Успокойся, мой друг...» в центре повествования находится любовь всадника к коню, то здесь, наоборот, трогательная преданность коня человеку.

Имплицитно образ коня фигурирует в стихотворении «Сыновья» (с. 82), которому предпослано автобиографическое посвящение: *Сыновьям: Владу,*

⁴ Отметим неоднократное использование Т. Тудегешевой союзного слова *что* вместо более привычного *который* – создается экспрессивное, орнаментальное изложение.

Игорю, Тамерлану. Давая наставления своим детям, героиня отмечает:

Сыновья,
вы для всадника – крепкое стремя –
и для воина – лук дальнотойный тугой.

Происходит переосмысление традиционной метафорической идиомы *опора для родителей* или *опора для семьи*: сыновья для героини – основа жизни, то же, что стремя для всадника и лук для воина. Отметим, что при этом героиня уподобляет всадникам и воинам не сыновей, а саму себя: они – стремя и лук, но не сами всадник и воин. Именно героиня, таким образом, оказывается ближе всех к коню как воплощению духовной силы.

Интересно использование имени существительного женского рода *наездница*. Необычную трактовку образа коня – точнее, всадницы, наездницы – получает в стихотворении «Лихой наездницей тебе судил стать Бог...» (с. 55), посвященном чемпионке мира по сноуборду Екатерине Тудегешевой. Метафорически героиня именует спортсменку-сноубордистку *наездницей*, соотнося историческое прошлое (древний мир тюрков с отважными всадниками и конницей) и настоящее (достижения современной девушки в профессиональном спорте). Очевидно, что титула всадника или всадницы в поэтическом мире Т. В. Тудегешевой удостаиваются только люди, вызывающие восхищение своими успехами и силой воли.

В случае метафоризации конь и всадник выступают как объекты выраженного или скрытого сравнения (сфера-источник). А. С. Сазыкин отмечает «метафоризм поэтического мышления» Т. В. Тудегешевой, «сосредоточенность на мире природы, что и позволяет ей душевное состояние человека передать через поэтические метафоры, связанные с природой» [Сазыкин 2021а: 87]. Метафоризация образа коня связана с тремя названными ранее направлениями смыслового развертывания: этническим, философским и автопсихологическим. Сравнение с конем (конями) / всадником в лирике Т. В. Тудегешевой представлено различными стилистическими приемами: сравнительным оборотом (с союзами *как*, *словно*, *что*), формой творительного уподобления (*стрелой*), эпитетом-приложением (*годы-скакуны*, *годы-кони*), развернутой метафорой.

Например, этническое направление представлено в стихотворении «Возвращение шамана» (с. 136–139), где образу коня сопутствуют сакральные,

мистические и магические коннотации. Текст посвящен ритуальному танцу шамана, входящему в контакт с миром духов – Таяна Тудегешева вновь обращается к шорской культуре и языческой мифологии. Танец введенного в транс шамана и его горловое пение (*звук гортанный*) описаны как битва со злом, восстановление мировой гармонии:

Заклинаньями зло разрушая,
Кружит с бубном над вечностью он (с. 137).

Именно бубен – главное оружие шамана – сравнивается с конем: *Гулкий бубен, что конь на крылах*. Фигурирует образ уже не реального или символического коня, а крылатого – мифологического; магическая власть шамана ассоциативно связана с силой, свободой и красотой коней. Возвышенную стилистику передают сам образ и выбор языковых форм – союзного слова *что* в значении *который*, имени существительного *крыла* как возвышенного стилистического синонима слова *крылья*. Образ крылатого коня Пегаса в греческой мифологии соотносится с темой вдохновения [Тахо-Годи 1988: 296].

В контекстах с метафоризацией образа коня синкретично представлены философское и автопсихологическое направления, при этом доминирующим является автопсихологическое, которое реализуется как самохарактеристика, утверждение собственной системы ценностей. Образ коня в этих случаях помогает осмыслить течение жизни (в соответствии с метафорическими формулами *время летит*, *годы пролетели*) и жизненное кредо лирической героини.

В стихотворении «Абинская степь» (с. 34), где лирическая героиня оплакивает ушедшее величие и свободу родных краев, сравнивает степь с *забытой седой матерью*, образ утраченного прошлого опять связан с образом коня – точнее, всадника:

Жизнь промчалась, как скачущий всадник,
исчезнув с дымами.

Формулировка *жизнь промчалась* относится к прошлому шорского народа, но оставляет пространство для подтекста: вероятно, героиня говорит и о своей личной жизни, своей молодости.

Развернутая метафора включает приложение *скакуны* в характеристике прожитых лет в стихотворении «Что ты смотришь грустными глазами?..» (с. 105). Обращаясь к адресату, по всей видимости, к мужчине, ожидающему от нее взаимности, героиня заключает:

*Мы с тобой со счастьем опоздали –
Скрылись в даях годы-скакуны,
Пронеслись, родные, заплутали,
Даже с гор Алтайских не видны.*

Ход времени вновь уподобляется лошадиному бегу; динамичность картины подкрепляется номинацией скакуны (акцент на движении коней) и рядом глаголов (*скрылись, пронеслись, заплутали*). *Годы-скакуны* наделяются ласковым эпитетом *родные*: героиня относится к ним – к своему прошлому – с ностальгической нежностью, но в то же время с трезвым признанием утраты. Локус Алтайских гор – не просто неких гор, а именно Алтайских, – выводит центральный образ текста из абстрактно-символического регистра, «заземляет» его, привязывая к конкретной географической местности – сибирской земле.

В нескольких стихотворениях образ коня включен в исповедальные контексты психологического типа. Автопсихологическое звучание образ коня обретает в стихотворении «Жизнь, хлестнув, научила» (с. 39). Говоря о своих личностных чертах, лирическая героиня представляет себя в образе всадницы:

*Жизнь, хлестнув, научила галопом летать
На коне сквозь терновник и ели
И одной на скаку, словно дружная рать,
Покорять неприступные цели.*

Метафора, представленная лексемами *галоп* и *на скаку*, подчеркивает стремительность: героиня находится в вечном движении; она воплощает волю к победе, к покорению *неприступных целей*. Детали растительного мира (*терновник, ели*) вписывают всадницу и ее коня в природный миробозор шорской земли, а сравнение с *дружной ратью* представляет собой очередную историческую аллюзию на древнюю тюркскую конницу; интересно, что одну себя героиня уподобляет целому войску – так много духовной силы она в себе ощущает. Отметим также выбор деепричастия *хлестнув*: жизненный опыт метафоризируется не просто в ударе от жизни, а именно в глаголе *хлестнуть*, который обычно направлен на лошадь и семантически связан с нею. Центральный образ, соответственно, обретает двойное прочтение: то ли это сама героиня, несущаяся по жизни смелой всадницей, то ли героиня – конь, а ее всадник – сама жизнь, которая хлещет ее, стремясь чему-то научить.

В автопсихологическом стихотворении «Поздно» (с. 36) лирическая героиня предстает как поэт. Героиня холодно отвергает адресата, которого не может простить:

*Мне ни к чему теперь ненужных слов
любезность
И позднего раскаянья холодный пыл.*

Адресат не поддержал героиню в тяжелые для нее времена, которые она описывает, вновь обращаясь к аллюзии на тюркскую древность:

*Ты жил в тиши, когда о стремя гулко билась
Врагом распятая поэта голова,
Когда из сердца кровь ручьем струилась
И гибли под копытами коней мои слова.*

Тяготы жизни и враждебность окружения метафорически уподобляются битве. Свою метафорическую духовную смерть героиня воплощает в смерти физической – в яркой и болезненной картине: ее голова отрублена и привязана к стремени *врага*, ее слова гибнут *под копытами коней*. Используя номинацию *поэт*, героиня подчеркивает свое творческое начало; ее смерть – мученическая смерть непонятого творца. Кони, что характерно, топчут не ее тело, а ее слова, т.е. трагедия касается именно душевного, творческого мира. Образ коней представлен не как часть героического эпоса древности и не как символическое воплощение красоты и стремительного движения – он выражает враждебную, губительную силу. Бег коня может быть не только прекрасным, но и нести смерть. Это единственное стихотворение в сборнике, где образ коня отличается такой амбивалентностью. Текст наполнен контрастами: оксюморон *холодный пыл*, антонимические пары *жил – гибли, ненужные слова – мои слова*, с одной стороны, *в тиши*, с другой – *гулко билась, кровь ручьем струилась, под копытами*. Нестандартная лексическая сочетаемость создает яркий образ *распятой головы* – мучительных раздумий, жертвенной рефлексии поэта, берущего на себя боль страдающего народа. Образ погубленной врагом лирической героини перекликается с образом погибшего от рук врага ее предка из стихотворения «На курганных вершинах», в котором драматизм также передается с помощью контрастов жара и холода, жизни и смерти.

Лексему *конь* и конкретизирующие образ коня имена существительные сопровождают следующие определения: *конь – вороной, старый, боевой*,

кони – вороные, знойные, пена – кровавая, галоп – дерзкий, стремя – крепкое, тетива – тугая, лук – дальноточный, тугой.

Центральную сюжетную роль образ коней играет в стихотворении «Вороных торопили коней» (с. 117). Здесь коней двое, и их образ очевиднее, чем в других текстах книги Т. В. Тудегешевой, связан с темой любви. Лирическая героиня предается воспоминаниям о чувствах – о романтической прогулке верхом, которую совершила в юности с возлюбленным. Зарисовка наполнена традиционными романтическими образами: *пьянящая весна*, *луна*, *соловей*, *цветы*, *туман*, *дурман из трав*, *объятия*, *звезда*. Образ соловья особенно примечателен – он закольцовывает композицию стихотворения: в первой строфе является символом трепетной первой любви и надежды, воплощением *пьянящей весны* (*Пел нам песни в цветах соловей*), в последней – символом памяти о прошлом, нежных чувств, сохранившихся вопреки ходу времени:

*Заросли счастья тропы травой.
Но поет о любви соловей,
О весне нашей жизни быллой.*

Образ коней фигурирует в четырех строфах из пяти, возвращается рефреном – двое коней, бегущих рядом, символически отражают союз двух возлюбленных, их красоту и свободу. В первой строфе именно образ коней становится вводным, открывает мир воспоминания:

*Помнишь, ехали в ночь под луной,
Вороных торопили коней?*

Во второй строфе вновь появляется номинация *галоп* и локус гор: кони – воплощение движения, стремительного вольного бега и порождение гор Шории, среди которых выросла героиня:

*Вороных гнали знойных коней,
Их галоп отзывался в горах.*

Кинестетический эпитет *знойный* воплощает внутреннюю силу коней, их волю, энергию и жар жизни, с которым они связаны; бегу коней сопутствует аудиальный образ эха – *галоп отзывался*. В третьей строфе появляются не сами кони, а яркая деталь, символизирующая союз влюбленных – связанные узды:

*Две узды в крепкий узел связав,
Растворились мы в ночи шальной.*

Скрепление любви, таким образом, тоже осуществляется через коней – точнее, их упряжь. Вероятно, эта деталь несет не только любовный, но и чувственно-эротический подтекст, судя по последней строке: *Мягким ложем был дурман из трав*; кони сопутствуют и духовному, и телесному выражению любви. В последней строфе лирическая героиня переносится в настоящее, где печально констатирует, что пора юности и любви прошла:

*Нет давно вороных тех коней,
Заросли тропы счастья травой.*

В прошлом кони являются символическим воплощением утраченной юности, любви и свободы (герои не просто встречаются, а ночью ускользают в горы верхом, совершая побег от цивилизации в мир природы), а в настоящем – памяти о том времени. Отметим эпитет *вороные*, повторяющийся в стихотворении три раза; *вороной* – вообще единственная масть коня, упомянутая в книге Т. В. Тудегешевой. Возможно, это связано с яркими фольклорными коннотациями слова: вороные кони постоянно фигурируют в русских былинах, сказках, песнях. Также слово *вороной* органичнее вписывается в звукопись, семантически выражающую волевою силу, стремительность, ярость (*вороных торопили* и проч.), чем вписалось бы обозначение другой масти – например, *гнедой* или *чалый*.

Важнейший семантический признак, связанный с образом коня, – движение, энергия жизни. Этот признак передается большим количеством глаголов и слов, несущих физиологическую семантику (эмпирические образы, основанные на слуховом, зрительном и кинестетическом восприятии; нередко все подается с субъективацией изображения: лирическая героиня видит, слышит, чувствует). Жизнь для лирической героини – движение, стремление, полет, что и воплощают образы коня, всадника, стрелы. Особое место в стихотворениях занимает образ крови, амбивалентно соотносимый с темами бурлящей жизни и сражающей в битве смерти (смерти от леденящей руки врага).

В стихотворении «Тюрки» (с. 20–22) рисуется эпическая картина древних битв и героических подвигов. Образ коней здесь намечен лишь точно, через смежные по смыслу лексемы, выражающие конский бег и топот:

*Стрелки на скаку
Из тугой тетивы выпускали стрелу (с. 20);
Слышу конный разбег (с. 21).*

Героиня будто воочию наблюдает картины прошлого, обращаясь к своим предкам: *вижу вас, слышу*. В финале текста образ коней из реалистического становится символическим:

*Годы-кони умчались
стрелой в горизонт (с. 21).*

Как и в «Успокойся, мой друг...», образ коня связан со временем, с безвозвратно улетевшим прошлым: здесь с конями метафорически соотносятся годы, там – века. В схожем ключе образ коня (и конницы) подан в стихотворении «На курганных вершинах» (с. 16). Кони вновь вписаны в динамичную картину битвы, включающую слуховые (*звонят стремени*), визуальные (*сверкают мечи, красно-рыжий огонь*), кинестетические (*горячая пыль*) образы.

В коротком стихотворении «Несгибаемый бег скакуна...» (с. 58) образ коня становится центральным и обретает скорее не историческое, а автопсихологическое и символическое звучание. Эпитет *несгибаемый* подкрепляется характеристикой того, какой эффект производит бег коня – свободного и прекрасного создания: *Ощущение воли рождает*. Конь не просто скачет в никуда – у него есть цель:

*...сторона,
Где в долинах трава отдыхает.*

Появляется аудиальный образ ржания коня (*клич издав*), описание его яркого и волевого движения – вставания на дыбы; вскинувшись на мгновение, конь снова *галопом свой бег продолжает*. Лексема *галоп* создает более четкий визуальный и кинестетический образ, чем обобщенное *бег*: очень быстрый, стремительный бег, воплощение свободы. Здесь образ коня более самостоятелен и детален, чем в рассмотренных выше текстах. В финале эксплицируется символическая параллель между конем, бегущим в тихую долину, и человеком, всю жизнь стремящимся к счастью:

*Вот бы так убежать от судьбы
В край, где слез
и беды не бывает!*

Однако в подтексте очевидно, что счастье – чудесный край без слез и беды – недостижимо, как долина для коня: ведь в стихотворении он не достигает цели, а лишь стремится к ней, постоянно находится в движении. Так и человек рвется к своему счастью, пытается *убежать от судьбы*, лишь в непрерывном движении реализуя свое *ощущение воли*.

В подтексте просматривается также этическая позиция героини: она уважает именно *несгибаемый бег* волевых людей, их вечное стремление к цели.

В коротком философском произведении «В горных изломах снежных вершин...» (с. 19) вновь фигурирует галоп – предельная степень стремительного конского бега; на этот раз он наделяется эпитетом *дерзкий*: *В дерзком галопе коней – тайных сил непреклонность*. Кони опять становятся воплощением несгибаемой воли и вечного движения, даже соотносятся с некими *тайными силами* (вероятно, сакральными – судьбой, временем или божественным началом). Кроме того, они находятся в параллели с образами древнего мира гор, выражающими нечто вечное, нерушимое: *горные изломы снежных вершин, гордый полет орлов, храмы тысячелетние*. Тем не менее даже все это подвержено неумолимому ходу времени: *Слышишь? И по ним тоже – звонит колокол Времен!* Сюжетом стихотворения становится онтологическая драма – неразрешимая драма смертности всего сущего.

Заключение

Смысловое развертывание образа коня в сборнике осуществляется в трех основных направлениях: этническом, философском и автопсихологическом, нередко они представлены во взаимопроникновении. Этническое направление связано с осмыслением судьбы шорского народа. Философское направление соотносится с темой времени, которая связана как с судьбой шорского народа, так и с жизнью человека вообще. Автопсихологическое направление – исповедальная самохарактеристика лирической героини, ее судьбы и характера. Объединяющей все три направления является тема времени.

В стихотворениях наряду с основной лексемой *конь* мы встречаем разнообразные его номинации: *скакун*, несколько раз использованы обращения (*мой конь, мой друг, вороной*), на межтекстовом уровне создается антитеза характеризующих номинаций *аргамак – лошаденка жалкая*. Лексему *конь* и конкретизирующие образ коня имена существительные сопровождают следующие определения: *конь – вороной, старый, боевой, кони – вороные, знойные, пена – кровавая, галоп – дерзкий, стремя – крепкое, тетива – тугая, лук – дальнобойный, тугой*.

Важнейший семантический признак, связанный с образом коня, – движение, энергия жизни. Этот признак передается большим количеством глаголов

и слов, несущих физиологическую семантику (эмпирические образы, основанные на слуховом, кинестетическом и зрительном восприятии; нередко все подается с субъективацией изображения: лирическая героиня видит, слышит, чувствует). Жизнь для лирической героини – движение, стремление, полет, что и воплощают образы коня, всадника, стрелы. Особое место в стихотворениях занимает образ крови, амбивалентно соотносимый с темами бурлящей жизни и сражающей в битве смерти (смерти от леденящей руки врага).

Лирическая героиня в сборнике «Небесный полет девятиглазых стрел» – воин, всадница, поэт, обладатель горячего и вещего сердца, хранитель истории шорского народа. Прошлое связано не только с печалью и болью от утраты былого величия, но и является основой для самосознания, нравственного выбора, духовной силы вступить в битву за жизнь.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. А. Пушкарева – разработка методики исследования, сбор и анализ материала, систематизация результатов, подготовка текста. Ю. Е. Пушкарева – сбор и анализ материала, систематизация результатов.

Contribution: I. A. Pushkareva developed the research methodology, collected and analyzed the material, systematized the results, and drafted the manuscript. Yu. E. Pushkareva analyzed the material and structured the results.

Литература / References

- Арчимеева А. С. Лексико-семантические особенности образа коня в хакасском героическом эпосе «Алтын Пырхан». *Концепт «Мир» в тюрко-монгольской культуре: Междунар. науч.-практ. конф.* (Горно-Алтайск, 28 ноября 2023 г.) Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2024. С. 52–58. [Archimaeva A. S. Lexical and semantic features of the image of a horse in the Khakass heroic epic "Altyn Pyrkhan". *Concept of World in Turkic and Mongolian Culture: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Gorno-Altai, 28 Nov 2023. Gorno-Altai: LPC GASU, 2024, 52–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ddptbs>
- Бакчиев Т. А. Образ коня – как символ (на примере эпоса «Манас»). *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2021. № 2. С. 7–11. [Bakchiev T. A. The image of a horse as a symbol (on the example of epic "Manas"). *Sayan-Altai Scientific Review*, 2021, (2): 7–11. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52782/KRIL2021.2.30.002>
- Болотнова Н. С. Лексическая структура поэтического текста как ключ к постижению его ценностных смыслов. *Русский язык в школе*. 2019. Т. 80. № 1. С. 20–25. [Bolotnova N. S. Lexical structure of the poetic text as a key to the comprehension of its inherent values. *Russian Language at School*, 2019, 80(1): 20–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-1-20-25>
- Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: ТГПИ, 1994. 212 с. [Bolotnova N. S. *Lexical structure of literary text in associative aspect*. Tomsk: TSPI, 1994, 212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rnlump>
- Бурнаков В. А. Образ «конь – человек» в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX – XX век). *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2024. № 2. С. 84–93. [Burnakov V. A. The concept of 'horse and human' in the traditional worldview of the Khakas (end of the XIX–XX century). *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2024, (2): 84–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-2-84-93>
- Иванов В. В. Конь. *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1987. Т. 1. С. 666. [Ivanov V. V. Horse. *Myths of the peoples of the world*, ed. Tokarev S. A. 2nd ed. Moscow: Sov. entsikl., 1987, vol. 1, 666. (In Russ.)]
- Кожина М. Н. Художественно-образная речевая конкретизация. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, ред. М. Н. Кожина. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 585–594. [Kozhina M. N. Literary imaginative speech concretization. *Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language*, ed. Kozhina M. N. 2nd ed. Moscow: FLINTA, 2011, 585–594 (In Russ.)]
- Косточаков Г. В. Таяна Тудегешева. In: Баланчик Н. А., Баланчик Н. С., Косицина Ю. В., Косточаков Г. В., Пушкарева И. А., Телякова В. М., Трубицына В. В. *Язык и регионы: социокультурное пространство*

- юга Кузбасса. Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2020. Т. 2. С. 265–276. [Kostochakov G. V. Tayana Tudegesheva. In: Balanchik N. A., Balanchik N. S., Kositsina Yu. V., Kostochakov G. V., Pushkareva I. A., Telyakova V. M., Trubitsyna V. V. *Language and regions: Sociocultural space of the Southern Kuzbass*. Novokuznetsk: NIB KemsU; Krasnoyarsk: Sitall, 2020, vol. 2, 265–276. (In Russ.)]
- Мендешева В. М. Конь в традиционной культуре алтайцев. *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*. 2008. № 2. С. 250–260. [Mendesheva V. M. Horse in the traditional culture of Altai people. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentralnoi Azii v istoricheskoi retrospektive*, 2008, (2): 250–260. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vbkhaf>
- Охлопкова Е. А. Лексика природы в лирике С. А. Есенина. *Молодой ученый*. 2016. № 6-4. С. 30–32. [Okhlopko E. A. Lexis of nature in the poetry by S. A. Esenin. *Molodoi uchenyi*, 2016, (6-4): 30–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vwlhif>
- Переяслов Н. О поэзии Таяны Тудегешевой. In: Тудегешева-Каныштарова Т. В. *Небесный полет девятиглазых стрел*. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2007. С. 3–8. [Pereyaslov N. On the poetry by Tayana Tudegesheva. In: Tudegesheva-Kanyshtarova T. V. *Sky Flight of Nine-Eyed Arrows*. Kemerovo: IPP "Kuzbass", 2007, 3–8. (In Russ.)]
- Потапов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая. *Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними преданиями и обрядами*, отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1977. С. 164–178. [Potapov L. P. Horse in beliefs and epos of Sayan-Altai peoples. *Folklore and ethnography. Ties between folklore and ancient customs and rituals*, ed. Putilov B. N. Leningrad: Nauka, 1977, 164–178. (In Russ.)]
- Потапова Н. А., Жанерке Б. Образ коня в русском и монгольском фольклоре. *Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: IX Междунар. науч.-метод. конф. (Санкт-Петербург, 19–20 октября 2023 г.)* СПб.: СПбГУ, 2023. С. 175–178. [Potapova N. A., Zhanerke B. Image of the horse in Russian and Mongolian folklore. *Relevant issues of humanitarian knowledge in a technical university: Proc. IX Intern. Sci.-Method. Conf.*, St. Petersburg, 19–20 Oct 2023. St. Petersburg: SPMU, 2023, 175–178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxguhi>
- Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е. Мотив полета в лирике А. Д. Раевского. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2024а. Т. 23. № 2. С. 115–125. [Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. Motif of flight in the poems by A. D. Raevsky. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2024a, 23(2): 115–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-2-115-125>
- Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е. Образ солнца в лирике П. Майского: семантико-стилистический анализ. *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*. 2024б. № 4. С. 134–145. [Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. The image of the Sun in poetry by P. Mayskiy: Semantic and stylistic analysis. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafieva*, 2024b, (4): 134–145. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nuvmqq>
- Сазыкин А. С. Глоток свежего воздуха. О сборнике Т. В. Тудегешевой «Небесный полет девятиглазых стрел». «...А здесь, во глубине России»: статьи о региональной литературе, науч. ред. И. А. Пушкарева. Новокузнецк-Красноярск: Sitall, 2021а. С. 83–97. [Sazykin A. S. A breath of fresh air. About T. V. Tudegesheva's *Sky Flight of Nine-Eyed Arrows*. "Here, deep in Russia...": Articles on regional literature, ed. Pushkareva I. A. Novokuznetsk-Krasnoyarsk: Sitall, 2021a, 83–97. (In Russ.)]
- Сазыкин А. С. Методические рекомендации к уроку по изучению поэтического мастерства Т. В. Тудегешевой. «...А здесь, во глубине России»: статьи о региональной литературе, науч. ред. И. А. Пушкарева. Новокузнецк-Красноярск: Sitall, 2021б. С. 97–104. [Sazykin A. S. Methodological recommendations for classes on T. V. Tudegesheva's poetry. "Here, deep in Russia...": Articles on regional literature, ed. Pushkareva I. A. Novokuznetsk-Krasnoyarsk: Sitall, 2021b, 97–104. (In Russ.)]
- Скрипова О. А. «Всадник-конь» в книге стихов М. Цветаевой «Ремесло». *Филологический класс*. 2016. № 4. С. 85–88. [Skripova O. A. "Rider-horse" in M. Tsvetaeva's book verse "Remeslo". *Philological Class*, 2016, (4): 85–88. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xsdgxb>
- Тахо-Годи А. А. Перас. *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1988. Т. 2. С. 296. [Takho-Godi A. A. Pegasus. *Myths of the peoples of the world*, ed. Tokarev S. A. 2nd ed. Moscow: Sov. entsikl., 1988, vol. 2, 296. (In Russ.)]

- Тозыякова Е. А., Баданова Т. А., Черепанова Е. А. Конь батыра в структуре концепта «Алтай-кижи» / Алтаец: на материале мифологии, фольклора, эпоса и литературы. *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 5. С. 370–372. [Tozyakova E. A., Badanova T. A., Cherepanova E. A. A hero's horse in the structure of the concept "Altai-kizhi" (Altaiian): Based on mythology, folklore, epic and literature. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2020, (5): 370–372. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rluugc>
- Топоров В. Н. Животные. *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1987. Т. 1. С. 440–449. [Toporov V. N. Animals. *Myths of the peoples of the world*, ed. Tokarev S. A. 2nd ed. Moscow: Sov. entsikl., 1987, vol. 1, 440–449. (In Russ.)]
- Чжан Ю. Образ коня в лирике Николая Рубцова. *Русская речь*. 2015. № 4. С. 124–127. [Zhang Yu. Equine image in the poetry by Nikolay Rubtsov. *Russkaya Rech*, 2015, (4): 124–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udyvnd>
- Шапиро Б. Л. Конь и всадник в мифах и образах русской культуры. *Мир культуры и культурологии*. 2018. № 6. С. 209–215. [Shapiro B. L. A horse and a rider in myths and images of Russian culture. *Mir kultury i kulturologii*, 2018, (6): 209–215. (In Russ.)]
- Шарьяфетдинов Р. Х. Мифопоэтический образ коня как отражение культуры тюркских народов в современной татарской литературе. *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*. 2018. № 4. С. 111–116. [Sharyafetdinov R. Kh. Mythopoetic image of the horse as reflection of culture of Turkic peoples in modern Tatar literature. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2018, (4): 111–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytsosl>
- Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений: «Воспоминание» А. С. Пушкина. In: Щерба Л. В. *Избранные работы по русскому языку*. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44. [Shcherba L. V. Experience of linguistic interpretation of verses: A Memory by Alexander Pushkin. In: Shcherba L. V. *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1957, 26–44. (In Russ.)]
- Яруллина З. Ф. Мифологические образы животных в татарском паремиологическом контексте: образ коня. *XVII Акмуллинские чтения: Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 2–3 декабря 2022 г.)* Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2022. Т. II. С. 247–250. [Yarullina Z. F. Mythological images of animals in Tatar paremiological context: Equine image. *XVII Akmulla Readings: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa, 2–3 Dec 2022*. Ufa: BSPU M. Akmully, 2022, vol. 2, 247–250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/joxscl>